

УДК 81'25

СЕТЕВАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА И ТЕКСТ

М.В. Оборина

Тверской государственный университет, Тверь

Статья анализирует причины и условия возникновения нового направления развития герменевтической теории, сетевой герменевтики. Позиции классической герменевтики были закреплены в линейности текста, безусловной авторской позиции в тексте, разделённости во времени и пространстве текста и его интерпретации, существовании норм и критериев оценивания интерпретативной деятельности. Неклассическая, сетевая герменевтика, фокусируется на самой интерпретации как деятельности и метатексте, вместе с тем оставляя текст и текстуальность в ряду объектов изучения. Сетевая герменевтика расширяет границы герменевтического подхода и меняет представления о реальности как категории текста и деятельности, перемещая акцент на изучение отношений между текстом и его интерпретациями.

Ключевые слова: *сетевая герменевтика, классическая герменевтика, интерпретация, деятельность, текст, текстуальность, метатекстуальность.*

Существо и роль герменевтики в цифровую эпоху претерпевают серьёзные изменения. В первую очередь это касается основных положений о природе текста и отношениях текста и его интерпретатора, а также расширяющихся возможностей применения герменевтических принципов. С появлением информационного пространства герменевтический анализ текстов «стал одним из основных методов информатики, в которой сегодня доминирует альтернативный философскому эмпирический подход, основанный на статистике и лингвистике» [5: 19].

В течение долгого времени герменевтика существовала как теоретическое основание и метод интерпретации текста и книги в целом. Базовые эпистемические принципы и методологические предпосылки герменевтики текста сегодня следует пересмотреть с тем, чтобы герменевтика могла иметь дело с текстами в любой форме. Поворот герменевтики в сторону общегуманитарного познания, подтверждает, что интерпретация текста всегда обусловлена сложившимися в культуре и языке традициями (т.е. коллективное в интерпретативном усилии всё же превалирует над индивидуальным и психическим). По выражению У. Макклейна (12), этот новый этап можно назвать сетевой герменевтикой (*network hermeneutics*). Самостоятельным объектом сетевой герменевтики становится интерпретация текста и связанные с ней социальные действия. Новый подход позволяет уточнить взаимосвязь между лингвокультурными рамками и интерпретацией текстов (как практикой и результирующими продуктами).

Демократизация текстопроизводства в эпоху электронных СМИ вызвала и всплеск интерпретативной активности. Если в прежние (книжные) времена читателями комментариев и интерпретаций были единицы, то сегодня – это тысячи участников коммуникации, создающих интерпретативные дискурсы вокруг одного текста (кино, видео и иных типов текста). Не говоря уже о том, что и сами тексты могут содержать в себе расширенную

текстуальность – быть метатекстуальными. Гипертекстуальная (нелинейная) природа современного текста, погружённого в социальную и культурную действительность, делает сам текст бесконечным (см.: [1; 7; 10; 11]). Сегодня тексты вовлечены в открытый процесс преобразований и подвергаются воздействию множества агентов, которые, со своей стороны, вовлечены в разные дискурсивные парадигмы и практики (что ведёт к привнесению множественных контекстов в интерпретативную действительность).

Новая отрасль гуманитарного исследования – так называемые «цифровые гуманитарные исследования» или *digital humanities* – становится всё более влиятельной. Она объединяет вокруг текста исследователей классических и религиозных текстов, которые прибегают к помощи конкордансов и индексов, так как компьютерные методы исследования используются для решения гуманитарных задач. Текст оказался идеальным объектом для компьютерного исследования, поскольку текстовые данные (после цифровых) являются самым благодатным объектом для различных видов компьютерной диагностики. Это имело весьма значительные последствия: компьютерный анализ не может не объективизировать текст, поэтому текстовый объект исследования в компьютерном анализе и «человеческом» анализе являются разными объектами. Следовательно, вне отношений между текстом и его адресатом-интерпретатором само исследование текста оказывается неэффективным.

Тексты не просто изменили свою природу, они изменили саму среду своего обитания, существуя в виде больших массивов данных: большие массивы данных делают ненужным само понятие теории: «забудьте таксономию, онтологию, и психологию ... при наличии достаточного объёма данных числа говорят сами за себя» [12: 7]. Мысль о том, что числа говорят сами за себя, когда они достигают достаточно больших величин, – самая радикальная объективирующая мысль. Тем не менее, анализ массивов данных не может не опираться на обширные теоретические традиции, в частности в эпистемологии и онтологии. Это признают даже радикальные сторонники объективирующего эмпиризма. Собрать отбросить сверхчеловеческое единство онтологического взгляда на мир, заменив его нейтральностью фотографии, кино, звукозаписи, вербального текста, порождает новые вопросы. Стремление к нейтральности вырастает из потребности в непредвзятом взгляде на мир; в исключении посредника, уже включившего этот мир в некий контекст. Однако, база данных не заменит онтологии. Само выражение «сырые данные» (*raw data*) является оксюмороном, а данные отбираются на некоторых онтологических и эпистемических основаниях, уже заложенных в теории.

Машинные методы вдвойне несвойственны герменевтике как науке, занимающейся изучением интерпретации текста. Даже самые стойкие сторонники текстуального детерминизма не могут утверждать, что текст и его интерпретации остаются неизменными и одинаковыми, или что все возможные интерпретации выводятся только из текста и его структурных особенностей. Более того, если изучение текста не является непременно изучением интерпретации (не предполагает высказанной рефлексии), оно, тем не менее, всегда является интерпретативной практикой. Кроме того, при анализе

больших массивов на первый план выходит их статистическая направленность, в то время как в классических интерпретативных практиках количество и средние значения вообще не играют роли, любое, самое незначительное отклонение имеет решающее значение. Поэтому истину нельзя найти голосованием, а гипотеза не подтверждается объёмами данных.

Однако, даже если никакой компьютерный анализ текста сам по себе не может объяснить интерпретацию текста, это не делает его совершенно непригодным для гуманитарного исследования. Потенциал такого подхода может быть раскрыт только при наличии новой герменевтической теории. Эта новая теория должна объяснить отношения между различными представлениями объекта, различными методами и теоретическими посылками в едином поле исследования. Собственно, это та же теория, которая нужна для объединения различных контекстуальных действительностей в пространстве культуры.

Концепция и теоретические основания сетевой герменевтики нужны для обслуживания случившегося поворота в сторону социального действия [1; 7]. Как факт культуры интерпретация – это распространённое, изменчивое, длящееся и динамически непостоянное действие, которое проявляется в разных формах и практиках. Сами интерпретации характеризуются как единством, так и разнообразием, то системным, то единичным. И в этом смысле сетевая герменевтика до некоторой степени продолжает традиции классической герменевтики (а филологическая герменевтика кажется переходным звеном в этой цепи). Тем не менее, незначительные отличия указывают на некоторые важные расхождения эпистемического свойства. Сетевая герменевтика строится на интерактивной эпистемологии. В работах Карен Барад (Karen Barad) используется концепция агенциального реализма (*agential realism*). По этой теории феноменами мира являются не объекты, а отношения. Мы видим мир уже преломлённым сквозь призму культуры и социальных уложений. Такой искажающей призмой может быть принятая научная практика, которая узнаётся, проверяется и внедряется в разных формах интерпретативных действий, известных как интерпретация [9].

Сами тексты не только обсуждают некое содержание, но и являются инструментами действия или ориентировочными основами деятельности [6]. К тексту, так же как и к действию, можно относиться с позиций очевидца (противоположную точку зрения см.: [3: 56]). В социологии это получило название так называемой «тинейджеризации культуры», в которой невозможность взрослости вызывается постоянным изменением окружающего мира и необходимостью всё новой актуализации смыслов [4].

Тексты в деятельности могут стать ресурсом для последующей коммуникации, инструментом обретения идентичности индивидом или группой, средством позиционирования в воображаемом мире и многим другим. Метатекстуальные действия – это любые действия на основе текстов (т.е. втягивание текстов в культурный и социальный дискурс). Интерпретативные действия – это такие действия с текстом, которые позволяют интерпретатору представить текст как познаваемый и познанный. С одной стороны, текст является объектом познания, потенциальным источником знания, а с другой – знание, находимое в тексте, не может быть независимым

от средств его получения. Кроме того, метатекстуальность существует в виде текстов, дискурсов, практик, артефактов и идей, которые целиком или частично говорят о текстах или текстуальности или отсылают к ним. Интерпретация и метатекстуальность не вполне перекрывают друг друга, так как в понятие метатекстуального входят такие действия, как суждение, групповая и индивидуальная идентичность, близость и прочие, имеющие разные функции. Суждение предполагает приписывание ценности тому или иному тексту или текстам. Идентичность служит определению группы или индивида через текст. Явление социального картирования описывает использование текстов для выражения отношений в социуме (музыка определённой группы или поэзия). Категоризация относится к установлению отношений между самими текстами в классификациях или публичных комментированиях. Духовная близость наделяет тексты особыми смыслами для индивида (например, в различных «фанфиках»). Все эти метатекстуальные деятельности составляют целую инфраструктуру, в которой текст воссоздает себя, которая определяет, почему текст значим и для кого, что текст может делать, как его можно использовать [12].

Нельзя просто сказать, что какой-то текст является метатекстом, так как это тривиально. Все тексты в какой-то степени отсылают к другим текстам. Даже если когда-то, где-то и был некий «пратекст», не имеющий никаких связей в текстовом пространстве, такие времена канули в прошлое. Проблема состоит не в том, является ли тот или иной текст метатекстом, а в том, как это выражено, где проявляются эти связи, и почему они таковы.

Интерпретация как социально (и культурно) обусловленное явление основывается на всём массиве порождающих правил и корпусов текстов, являющихся частью дискурса, осваиваемого в ходе определённой контекстно-определяемой деятельности (социальный, исторический, культурный контекст). Кроме того, все интерпретации являются в той или иной мере социально значимыми. Эти цели могут быть как видимыми, так и не видимыми (не осознаваемыми) интерпретатором. Понимание интерпретации (её движущих сил) является смыслообразующим процессом, а следовательно, требует восстановления культурно-социальной среды интерпретатора, доступных ему репертуаров интерпретационных практик, а также оценки значимости текстов в его культуре (его культура – это культура той культурной и социальной среды, в которой он находится). Этот социальный мир, в свою очередь, тесно связан с субъективным и межсубъективным пониманием мира текста и отношением к текстовости в целом (например, сакральность текста, или его символичность и т.п.). Сетевая герменевтика толкует историю жизни текстов, указывая на связи общепринятого и индивидуального (или межличностного) толкования текста и текстуальности. Такая герменевтика может избежать основных вызывающих сомнения утверждений прежней герменевтической теории.

Ключевым для любой герменевтики является понятие текста. Поскольку сетевая герменевтика замещает понятие объективного и независимо существующего эмпирического текста как объекта ситуативным видением текста как результата взаимодействия интерпретативных практик и текстов, понятие текста становится более сложным.

Идея текста связана с его двойным существованием. Текст всегда отчасти виртуален, но в тоже время существует как реальный материальный объект, своего рода часть реального мира. Такая двойственность особенно существенна для цифровых текстов, которые могут выражать свое отношение к реальности неисчислимыми способами, а интерпретаторы могут по-разному опознавать границу между реальностью и виртуальностью. Само понятие реализма существенным образом меняется в мире электронных текстов [3; 5].

Пространство между текстовой и внетекстовой реальностью всегда находилось в фокусе герменевтических изысканий [10; 11], но с появлением цифровых технологий тексты стали всё больше вплетаться в реальность, требуя значительных усилий для различения одного и другого. Позиции адресата и адресанта текста смешиваются с позициями его интерпретаторов, внося изменения в распределение сфер влияния. Горизонтальное распределение приходит на смену вертикальному – когда текст передавался от автора к читателю (при посредничестве издателей, чья роль всё же отличается от роли цифровых средств как распределённого посредника).

Вертикальные отношения управления интерпретацией объясняют понятие социально и культурно адекватной интерпретации, собирая индивидуальные интерпретации в доминантные «культуросообразные» интерпретации. Опыт, который человек обращает на текст с целью освоения содержательности этого текста, т.е. представленных в нём содержаний и смыслов, является не только лингвистическим, но и социальным, и эмоциональным, и оценочным, и культурным опытом. А сложность процесса понимания текста заключается ещё и в том, что коллективный опыт обращается на текст в форме индивидуального усилия освоить содержательность текста [2].

Очевидно, проблема понимания текста имеет междисциплинарный характер. Она относится к лингвистике в той мере, в какой внелингвистический опыт человека хранится и передается в лингвистически релевантной форме. Таким образом, сетевая герменевтика меняет ключевые предпосылки герменевтики, сдвигая акцент в сторону индивида и повышая его ответственность за интерпретацию.

Интерпретация текста в традиционной форме остается важной и для сетевой герменевтики. Интерпретация текстов является неотъемлемой частью любой деятельности, поэтому и новая герменевтика эпохи электронных текстов не может быть основана иначе как на фундаменте традиционной герменевтической теории.

Традиционная или текстовая герменевтика занимается главным образом изучением и обоснованием принципов интерпретации текста, которая понимается как деятельность, в ходе которой тексты становятся потенциальным или актуальным знанием. С одной стороны, интерпретация делает текст предметом знания, но также и задаёт те пределы, в которых это знание имеет смысл. Традиционно герменевтика изучала интерпретацию текста, хотя в разные исторические периоды выступала в качестве методики и методологии интерпретативной практики. Нормирующий подход сам по себе не придаёт герменевтике объяснительной силы. Интерпретацией текста мы занимаемся везде и всегда, поэтому соблюдение установленных правил

оказывается невозможным по мере роста массива текстов. По сути дела, интерпретация оказывается настолько всепроникающей, что практически становится неосязаемой. Отчасти именно поэтому системные герменевтические теории стали появляться только в XVII–XVIII веках после тысячелетней истории интерпретативной теории и практики. Первые систематические описания практики интерпретации можно найти в работах Ф. Шлейермахера, превративших это описание во всеобъемлющую герменевтическую теорию, которая могла бы охватить все формы интерпретации вне зависимости от жанров или исторических контекстов.

Теория интерпретации стоит на трёх основных принципах, во-первых, тексты являются независимо существующими объектами, с определёнными, устойчивыми чертами (так называемый текстовый реализм). Этот принцип существует в понятии самоидентичности текста в интерпретации. Учитывая не менее распространённую идею доминирования читательского восприятия над текстовой идентичностью, текстовый реализм существует в форме направления интерпретации текстовыми средствами. Второй принцип рассматривает отношения интерпретатора и читателя как взаимозависимые, находящиеся в интерактивном взаимодействии. Третий принцип указывает на отношения противоборства между текстом и интерпретатором за право на истину (критическая герменевтика). Все три основания существовали относительно одновременно развивая герменевтические идеи. Вместе с тем очевидно, что ни один из принципов не может стать адекватным инструментом изучения текста в электронной среде. Идея текста как неизменного объекта с предустановленными чертами не соответствует модели интерактивных текстов, способных меняться в зависимости и в ответ на действия интерпретатора, делая материальную форму напрямую зависимой от него. Категории неоднозначности, неполноты, множественности и текстовых изменений не смогли в достаточной мере вернуть объяснительную силу понятию объективности текста.

Ещё более сложной оказывается проблема границ текста. Непрерывно изменяющиеся электронные тексты с гипертекстуальной (не-горизонтальной) структурой, обновляющиеся версии и наличие множественных авторов, не позволяют принять идею объективной реальности текста. Текстовый реализм нуждается в определённой степени объективной валидности позволяющей свести индивидуальные интерпретации к интерпретации некоего текста в принципе. В случае же с меняющимися электронными текстами такая валидность быстро теряет смысл.

Интерактивные отношения между текстом классической эпохи и его интерпретатором требуют наличия двух субъектов взаимодействия, влияющих друг на друга. В случае же интерактивного текста сама его форма зависит от выбора интерпретатора, который, в свою очередь, зависит от формы текста. Такая взаимозависимость подрывает ценность интерактивной модели как средства решения проблемы «другого сознания» при отсутствии доступа к ментальным процессам (или просто к способу понимания) других интерпретаторов. Если можно определить текст как объект, который меняется во взаимодействии с другим интерпретирующим сознанием, то этот процесс интерпретации можно изучать по изменениям, произошедшим с текстом в

процессе интерпретации. Но если текст и интерпретатор скорее взаимозависимы, чем взаимодействуют, невозможно приписывать какие-либо изменения первичного текста только вмешательству «иноного» в стандартный процесс интерпретации, поскольку такого стандартного процесса (точки отсчёта) не существует. Например, один и тот же стихотворный текст можно воспринимать и интерпретировать как линейный текст, а можно гадать по строкам, приписывая наугад выхваченному отрывку некий смысл в отношении сиюминутного жизненного контекста. Интерпретация всё дальше уходит от линейности.

Тексты становятся частью обширных семиотических систем электронных средств массовой информации. Граница между автором и потребителем текстов стирается, тексты свободно перемещаются в пространстве. Отношение к тексту как внешнему объекту, который можно интерпретировать, вступая с ним в коммуникацию, сетевая герменевтика заменяет отношениями взаимного влияния или созидания между текстом и интерпретатором. (см.: [9]): основным элементом чувственного универсума является феномены, которые сами по себе не объекты, а отношения, построенные наблюдателем и интерпретатором, т.е. любой текст преломляется через призму восприятия интерпретатора в его интерпретативной деятельности. Объективное знание об интерпретации текста возможно, если известны параметры «интерпретативной призмы», искажающего фактора. В социальной среде интерпретация текстов будет зависеть от принятых в обществе социально адекватных моделей интерпретации и роли текста в данной культуре. С одной стороны, это порождает некоторую унифицированность интерпретаций, но с другой – значительную их вариативность. Вариативность достигается за счёт различных интерпретативных режимов, методологии интерпретации (разные метатекстуальные подходы), а также разной значимости практик и целей интерпретации.

Таким образом, сетевой характер герменевтики определяется тремя основными причинами. Прежде всего, она отвечает требованиям сетевого, цифрового текстового пространства. Далее, сетевая герменевтика является моделью герменевтики отношений, а не относительной или абсолютной. Она устанавливает общую теорию герменевтики, объясняя интерпретативную деятельность внутри и вне существующих социальных сообществ и институтов, многообразных социальных контекстов, руководствуясь негласными правилами адекватности (определяемыми как отношения власти). И, наконец, сетевая герменевтика сама создаёт сеть, в контексте которой любой интерпретативный подход может быть признан валидным, коль скоро он может предъявить основания своих утверждений. Это тем более ценно, что любая интерпретация как деятельность предполагает знание своего метода. Постулирование аппарата интерпретации как **одного** из способов восприятия позволяет избежать деления на «собственную правильную деятельность» и «чужую неправильную». Так, сетевая герменевтика аналогично информационным наукам предлагает сетевой протокол, который равным образом используется различными методологическими и теоретическими подходами (аналог TCP/IP в электронной коммуникации) к интерпретации. Вместе с тем, сетевая герменевтика является формой герменевтики текста, а

значит должна отвечать на вопрос об интерпретации текстов как знаковых систем, о приписывании этим знаковым системам значений в определённых метатекстовых и интерпретативных практиках. Поскольку существует неисчислимо множество определений текста, понятий текстуальности и правил установления границ текста, невозможно заранее задать все потенциальные вариации. Тем не менее, потенциально возможен некий базовый ориентир, задающий когерентность и гипотетические рамки сферы исследования. Авторство текста, приписываемое на основании контекста или типических материальных форм текста, использованных в знаковой коммуникации, является непреложным критерием идентификации текста и текстуальности (см.: [8]), однако в сетевой герменевтике к ним следует относиться не как к абсолютному минимуму атрибуции, а скорее как к важным переменным. Дело в том, что прежде чем текст может быть признан интенциональным или коммуникативным, ему уже нужно приписать потенциальную осмысленность (см. определение текста как следа осмысленной человеческой деятельности: [2]). Такая осмысленность создаётся прежде всего опытом действия с феноменом потенциального текста, порождающим символические отношения между материальной реальностью текста и виртуальным полем референции. Все тексты представляют собой ограниченные объекты, существующие в этих границах материального и виртуального миров, отношения между которыми могут принимать разные формы. В частности, существенным является понимание воздействия «реализма» на человеческое познание и поведение [3].

Сетевая герменевтика использует большой арсенал методов, среди которых интерпретативные методы и методы анализа текстов являются основными инструментами понимания того, как возможно понимание и использование текстов. В то же время, применение интерпретативных методов в каждом конкретном случае и их оценка с позиций сетевой герменевтики не создает какого-либо непреложного прецедента, определяющего дальнейшие интерпретации. Валидность анализа текста в сетевой герменевтике основана на отношениях, создаваемых между различными интерпретациями, эти отношения значимы постольку, поскольку регистрируют множественность модусов обращения к восприятию текста (интерпретативные, метатекстуальные).

В целом развивающаяся сетевая герменевтика ставит и пытается ответить на традиционные для герменевтики вопросы: «Как тексты порождают смыслы?», «Как тексты понимаются?», «Почему они понимаются так, а не иначе?», «Что означает данное понимание текста?». Помимо общих герменевтических вопросов сетевая герменевтика предлагает свои собственные, ответы на которые может дать применение разных методологических принципов. К проблемам общетеоретического плана относятся вопросы о соотношении текстовой интерпретации и интерпретации как таковой; о соотношении текстовой интерпретации и других форм чувственного познания; об отношениях между текстом и технологией. Ряд вопросов может быть поставлен и в сфере понятия текста и текстуальности: например, проблемы идентификации и определения границ текста в специфических контекстах и средах, а также существование таких форм, как

паратекст, метатекст, интертекст. Одной из ключевых становится проблема реальности в тексте и вне его. Интерес представляет и тема авторства текстов в сетевую эпоху: как авторство текста соотносится с метатекстуальностью и можно ли говорить о тексте, лишённом авторства. С точки зрения ответственности текста, регулятивные принципы текстопроизводства, распространения и восприятия текстов выходят на первый план. Вопрос о возможности воздейственной функции текстов вне их интерпретации выводит к вопросу о том, в чём все-таки кроется смысл текста и каково влияние контекста (или дискурсивного пространства, создаваемого текстом). Онтологическое пространство интерпретации образовано представлениями о поэтическом, риторическом и ином анализе текстов разными интерпретаторами. Каждый феномен этого пространства может получать своего рода *tag*, который может быть затем использован в корпусном атрибутировании текста. Наконец, остаётся проблема статуса литературности, художественности в сетевой герменевтике.

Новый герменевтический подход имеет серьёзные последствия для цифровой гуманитаристики, в частности той, что занимается большими массивами текстов, корпусами текстов, предостерегая от безусловного использования принципов анализа естественного языка в приложении большим массивам данных, в том случае, когда такие принципы не отражают роль метатекстуальности в производстве смыслов и нестабильности отношений между разными метатекстуальными подходами (т.е. не учитывают различие в методологиях). Каждый из метатекстуальных подходов имеет свою инструментальную значимость, но не годится для оценивания результатов других подходов. Оценка интерпретации всегда требует герменевтического подхода.

Список литературы

1. Бахманн-Медик Д. Режимы текстуальности в литературоведении и культурологии: вызовы, границы, перспективы / пер. К.В. Бандуровский // Новое литературное обозрение. 2011. № 107. С. 32–48.
2. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/bogin_obretenie. (дата обращения: 11.04.2013).
3. Беляев В.М. Статус смысловой реальности в современной герменевтике // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2014, №1 С. 52–67.
4. «Быть молодым модно»: культуролог Виталий Куренной о старости в эпоху инфантилизма. [Электронный ресурс]. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/13217-oldness-2> (дата обращения 20.03.2016).
5. Кордонский, С., Бардин В. Прикладная герменевтика информационного пространства: картины мира, теоретические онтологии и веерные матрицы // Логос. 2015. Т. 25, № 3 (105). С. 19–45.
6. Кукушкина С. К. Оптимизация речевой формы устного объяснения учителя: дис. ... канд. пед. наук. М., 1981. 213 с.
7. Оборина М.В. Антропологический поворот и герменевтика // Понимание и рефлексия в культуре, науке и образовании: междунар. науч.-практич. Интернет-конф. и круглый стол, посв. 85-й годовщине со дня рождения заслуженного

- деятеля образования, проф., д.ф.н. Георгия Исаевича Богина: сб. науч. тр. 2015. С. 92–97.
8. Фикс У. Проявляется ли культурная специфика в типах текста. Слово в защиту широкой трактовки понятия «тип текста» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 2. С. 100–107.
  9. Barad K. Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter [Electronic resource] / URL: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/345321?origin=JSTOR-pdf> (accessed at 30.03.2016).
  10. Eco U. A Portrait of the Elder as a Young Pliny // The Limits of interpretation. (Advances in semiotics series). Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990. Pp. 123–136.
  11. Interpretation and overinterpretation / Ed. by S. Collini. Cambridge University Press, 2004. 151 p.
  12. McClain W. Network hermeneutics: interpretation of texts as social practice and performance in the age of digital media [Electronic resource] URL: http://digitallibrary.usc.edu/cdm/search/field/fullrs/searchterm/uscthesesreloadpub_Volume14%252Fetd-McClainWil-2832.pdf (accessed at 07.03.2016).

NETWORK HERMENEUTICS AND TEXT

M.V. Oborina

Tver State University, Tver

The paper explores possibilities and reasons for the emergence of a new type of hermeneutics, the so called network hermeneutics. While the classical hermeneutics found its roots in linear text with its fixed authorship and positions of text and its interpreter vastly divided in time and space, the network hermeneutics moves beyond the regulated standards and validities of interpretation focusing instead on the interpretative and metatextual activity. The network hermeneutics expands the limits of interpretation and hermeneutical approach, changing the meaning of reality in text and beyond.

Keywords: *network hermeneutics, classical hermeneutics, interpretation, activity, text, textuality, metatextuality.*

Об авторе:

ОБОРИНА Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: mobor@mail.ru